
Протопопъ Аввакумъ какъ противникъ церковной реформы патриарха Никона.

Первоначальная дѣятельность Аввакума, какъ священника въ Лопатицахъ и протопопа въ Юрьевцѣ Повольскомъ Положеніе Аввакума въ Москвѣ, постѣ его бѣгства изъ Юрьевца. Ссылка его въ Сибирь, его сибирская жизнь и возвращеніе въ Москву. Протопопъ Аввакумъ какъ великій угодникъ Божій, какъ прославленный святой и чудотворецъ. Попытки государя, вызвавшаго Аввакума изъ Сибири въ Москву, примирить его съ новымъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ. Неуспѣхъ этихъ попытокъ. Окончательный отказъ государя, въ виду упрямства Аввакума, отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ. Встрѣчное стремленіе со стороны Аввакума отвлечь царя отъ церковной реформы Никона и его старанія вернуть государя къ старымъ до никоновскимъ церковнымъ порядкамъ. Неуспѣхъ этихъ стараній Аввакума и перемѣна въ характерѣ его отношеній къ царю. Отношеніе Аввакума къ тогдашней русской церкви, къ Никону, къ русскимъ іерархамъ и къ никонианамъ вообще, какъ выраженіе его крайней ненависти къ своимъ церковнымъ противникамъ. Религіозная нетерпимость Аввакума. Его отрицательное отношеніе къ наукѣ и образованію. Несоответствіе у Аввакума между его внѣшнимъ подвигомъ и внутреннимъ содержаніемъ этого подвига.

Аввакумъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія и сначала не былъ особенно виднымъ и замѣтнымъ его членомъ. Онъ находился подъ водительствою и руководствомъ главныхъ вождей кружка—Стефана Вонифатьевича и Іоанна Неронова, къ которымъ, не смотря на измѣнившіяся потомъ обстоятельства, до самой своей смерти, сохранилъ самую искреннюю любовь и уваженіе. Сдѣлавшись священникомъ села Лопатицы (макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи) еще очень молодымъ человѣкомъ—всего двадцати одного года, Аввакумъ сразу заявилъ себя ревнителемъ благочестія: строго—истово, съ соблюденіемъ всѣхъ требова-

ній устава, совершалъ церковныя службы, читалъ народу положенныя поученія, возставалъ противъ безнравственности, пороковъ, непристойныхъ развлеченій своихъ пасомыхъ, обличалъ неправды и злоупотребленія начальствующихъ лицъ, и въ то же время, въ своей частной личной жизни, проявлялъ строгость и суровость къ самому себѣ, свойственную аскету. Какъ и большинство другихъ ревнителей, Аввакумъ занимался лѣченіемъ и особенно удачно исцѣлялъ бѣсноватыхъ. Нужно замѣтить, что въ то время не было докторовъ, и народъ, съ своими болѣзнями, былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ готовъ былъ искать помощи рѣшительно у всякаго, кто только брался оказать ему—совершенно безпомощному, какую либо помощь. Отсюда, конечно, какъ отвѣтъ на народную, настоятельную нужду, у насъ сильно развилось, такъ называемое знахарство, которое стремилось, какъ могло и умѣло удовлетворить насущной народной потребности въ лѣченіи. Естественно было, что тѣ духовныя лица, которыя отличались нѣкоторою начитанностію и большими относительно свѣдѣніями, которыя искренно заботились о своей паствѣ, становились не только цѣлителями ея душъ, но и тѣлесъ т. е. въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлались народными докторами, къ которымъ народъ обращался съ своими болѣзнями, особенно проявлявшимися на почвѣ нервнаго разстройства. Этого рода болѣзни, какъ кликушество, разныя формы бѣснованія, считались тогда проявленіемъ дѣйствія бѣсовской силы, поселившейся въ больномъ. Заботливые духовные изгоняли эту нечистую силу изъ больныхъ съ помощію молитвы, окропленія святой водой, помазанія освященнымъ масломъ, кажденія ладаномъ и постомъ. Такимъ лѣченіемъ занимались: Нероновъ, Никонъ, Иларіонъ, впоследствии архіепископъ рязанскій, и другіе тогдашніе видные общественные дѣятели изъ духовныхъ. Аввакумъ то же принадлежалъ къ числу ихъ и самъ себя считалъ особенно сильнымъ въ этой спеціальности: бѣсы легко подчинялись его воздѣйствію и не могли ему противиться. Слава его, какъ цѣлителя, шла за нимъ повсюду, вездѣ собирая около него больныхъ ¹⁾).

¹⁾ Какъ именно исцѣлялъ Аввакумъ бѣсноватыхъ, съ помощію какихъ пріемовъ, это видно изъ его разсказовъ. „Во искусъ, повѣствуетъ онъ,

За свои рѣзкія обличенія, за свое настойчивое, ни предъ чѣмъ неостанавливающееся стремленіе заставить весь приходъ жить такъ, какъ хотѣлъ этого ревностный по благочестію молодой, а въ то же время крайне суровый, неуступчивый и слишкомъ рьяный священникъ, Аввакумъ былъ изгнанъ изъ Лопатицы и направился въ Москву, гдѣ познакомился съ Стефаномъ Вонифатьевичемъ и Нероновымъ, которые по достоинству оцѣнили великую ревность по благочестію молодого священника и оказали ему поддержку. Стефанъ Вонифатьевичъ „благословилъ его образомъ Филиппа митрополита, да книгою св. Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди“. Но Аввакумъ никакъ не могъ ужиться съ своими прихожанами, которые такъ озлобились на его обличенія, на его деспотическое стремленіе во что бы то ни стало перестроить весь прежній порядокъ жизни по своему, что онъ, наконецъ, принужденъ былъ совсѣмъ выѣхать изъ села и снова направился въ Москву. Тогда

на Руси бывало,—человѣка три-четыре бѣшаныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, и, за молитвы отецъ, отхождаху отъ нихъ бѣси, дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго, и Господа нашего Ісуса Христа, Сына Божія—свѣта. Слезами и водою покрощю, и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христова: и сила Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по достоинству моему,—но по вѣрѣ приходящихъ..... Привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ (двухъ), и я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы о Христѣ цѣлоумны и здравы стали. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня, и домой нейдутъ. Свѣдалъ Пашковъ (который прислалъ къ Аввакуму этихъ бабъ), что мнѣ учинился дочери духовный, осердился на меня опять пуще стараго,—хотѣлъ меня въ огнѣ жечь: ты де вывѣдываешь моей тайны! А какъ ведь-су причастить, не исповѣдывавъ? А не причастивъ бѣшенаго: ино бѣса совершенно не отгонишь. Бѣс-отъ вѣтъ не мужикъ: батога не боится; боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова. Я, кромѣ сихъ таинъ, врачевать не умѣю. „Такими же точно приемами Аввакумъ исцѣлялъ и больныхъ курочекъ“. У боярыни (жены Пашкова) куры всѣ перестѣбли и мереть стали: такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ,—помолилъ о курахъ. И я су подумалъ: кормилица то естъ наша; дѣтки у ней: надобно ей курки! Молебень пѣлъ, воду святѣлъ, куровъ крошилъ и кадилъ; потомъ въ мѣсь сбродилъ,—корыто имъ сдѣлалъ, пѣсъ чего ѣсть, и водою покрощилъ, да къ ней все и отослалъ. Куры, Божиимъ моновленіемъ, исцѣлѣли и исправились по вѣрѣ ея“ (Мат. V, 37—42).

Стефанъ Вонифатьевичъ, поощряя его въ ревностномъ служеніи благочестію, сдѣлалъ его протопопомъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ. Но и здѣсь онъ прожилъ не болѣе восьми недѣль. Возмущенные его обличеніями, его суровою расправою съ мѣстнымъ духовенствомъ, которое было подчинено ему, какъ протопопу, его нетактичнымъ, назойливымъ вмѣшательствомъ въ ихъ частную жизнь, жители города, собравшись болѣе чѣмъ тысячною толпою, сильно избиви ревнителя и даже совсѣмъ хотѣли убить его. Самъ Аввакумъ объ этомъ прискорбномъ случаѣ рассказываетъ слѣдующее: „дѣволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ,—пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытаща меня, изъ приказа собраніемъ,—человѣкъ съ тысящу и съ полтоты ихъ было,—среди улицы били батажемъ и топтали; а бабы были съ рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертво убили и бросили подъ избной уголь. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ, и, ухватя меня, на лошади умчали меня въ мой дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору пристушаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ увималъ отъ блудни, вопятъ: убить вора, бл.....а сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ! Азъ же, отдохня, въ третій день ночью, покниня жену и дѣти, по Волгѣ самъ—третей ушелъ къ Москвѣ“. Здѣсь онъ явился къ Стефану Вонифатьевичу, но тотъ, рассказываетъ Аввакумъ, „на меня учинился печалентъ: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина: на что де городъ покинулъ?“ Но Аввакумъ однако уже не возвращался болѣе въ Юрьевецъ, а остался жить въ Москвѣ. Онъ, какъ безмѣстный протопопъ, пристроился здѣсь, благодаря Неронову, къ Казанскому собору, гдѣ и замѣнялъ Неронова, когда тотъ отсутствовалъ, въ служеніи, а также читалъ народу поученія. Члены причта Казанскаго собора не признавали Аввакума равноправнымъ имъ членомъ собора, а только временнымъ замѣстителемъ Неронова, такъ что, и живя въ Москвѣ, Аввакумъ титуловался юрьевскимъ протопопомъ. Когда Нероновъ былъ сосланъ, причтъ Казанскаго собора не допускалъ Аввакума служить въ своемъ соборѣ, когда онъ захочетъ, чѣмъ Аввакумъ былъ очень обиженъ и перенесъ свое служеніе изъ

собора сначала въ одну приходскую церковь, а потомъ въ сушило, бывшее при домѣ Неронова. Очевидно, тогдашнее положеніе Аввакума въ Москвѣ было очень неопредѣленно и не изъ видныхъ,—онъ былъ только провинціальный, безмѣстный протопопъ, сравнительно еще молодой и большинству совсѣмъ неизвѣстный. Послѣднее обстоятельство Аввакумъ рѣшился поправить, завязавъ знакомства съ знатными и богатыми домами. Черезъ Стефана онъ дѣлается извѣстенъ самому царю и всей царской семьѣ, черезъ него же и, вѣроятно, черезъ Неронова, онъ хорошо познакомился съ Ртищевымъ и съ другими знатными, богатыми и вліятельными вельможами и ихъ семьями, и сдѣлался вхожъ въ ихъ дома. По этому поводу онъ самъ откровенно говоритъ о себѣ: „любилъ протопопъ со славными знаться“. Аввакумъ переселился въ Москву только въ 1651 году, т. е. незадолго до смерти патріарха Іосифа и, понятно, уже по самой краткости времени своего пребыванія въ Москвѣ, до вступленія на патріаршій престолъ Никона, не могъ быть особенно замѣтною и вліятельною фигурою въ средѣ московскаго кружка ревнителей благочестія, тѣмъ болѣе, что тогда такія видныя лица, какъ Стефанъ и Нероновъ, совсѣмъ заслоняли его собою. Къ тому же, изъ разсказа самаго Аввакума, мы знаемъ, что оставленіе имъ Юрьевца и неожиданное его появленіе въ Москвѣ, было непріятно и царю и Стефану Вонифатьевичу. Очевидно, при указанныхъ условіяхъ, Аввакумъ могъ выступать въ московскомъ кружкѣ ревнителей только во второстепенныхъ роляхъ, какъ вѣрный, преданный подручникъ и ученикъ Стефана и Неронова, дѣйствующій во всемъ по ихъ указаніямъ. Такъ смотрѣлъ на свое тогдашнее положеніе въ Москвѣ и самъ Аввакумъ и такъ онъ тогда дѣйствовалъ. Послѣ смерти Іосифа, онъ, наравнѣ съ другими, участвуетъ въ выборѣ новаго патріарха, но въ этомъ случаѣ, онъ только идетъ за другими. Захотѣли эти другіе бить челомъ государю, чтобы въ патріархи былъ избранъ Стефанъ Вонифатьевичъ,—съ ними соглашается и Аввакумъ. Когда Стефанъ отклонилъ свою кандидатуру въ патріархи и указалъ ревнителямъ на Никона, тѣ подали челобитную царю о Никонѣ, и Аввакумъ безпрекословно подписался и подъ этой челобитной, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ человѣкъ новый въ Москвѣ, вѣроятно тогда совсѣмъ не

зналъ Никона, какъ хорошо не зналъ его и тогда, когда тотъ сдѣлался патріархомъ, ибо при Никонѣ патріархъ Аввакумъ жилъ въ Москвѣ вдали отъ патріарха и только годъ съ небольшимъ, а потомъ былъ отправленъ въ ссылку—въ Сибирь и никогда Никона уже болѣе не видалъ. Правда, Аввакумъ впоследствии увѣрялъ своихъ послѣдователей, что онъ будто бы хорошо зналъ Никона еще на своей родинѣ, которая была только въ пятнадцати верстахъ отъ родины Никона, и что онъ хорошо высмотрѣлъ и изучилъ его, когда жилъ въ Москвѣ. „Я, говоритъ онъ, вѣдь тутъ (т. е. Москвѣ) тогда былъ, все вѣдаю... Я его (Никона) высмотрѣлъ сукинова сына до мору-тово еще, — великій обманщикъ, бл...ъ сынъ!“ Но на самомъ дѣлѣ Аввакумовскій Никонъ, совершенно не тотъ, тѣмъ былъ Никонъ въ исторической дѣйствительности, о чемъ скажемъ ниже.

Настоящая репутація и громкая слава Аввакума, какъ стойкаго и горячаго поборника за старое русское благочестіе, за старыя до никоновскія русскія церковныя книги, за всю русскую святую старину, впервые создавалась и твердо упрочилась только въ Сибири, куда онъ былъ сосланъ Никономъ. Десять лѣтъ Аввакумъ пробылъ въ Сибири съ своею женою и малолѣтними дѣтьми, и терпѣлъ здѣсь самыя жестокия, почти невѣроятныя лишенія: холодъ, голодъ, всѣ невзгоды суроваго климата, переходы въ сотни верстъ по пустыннымъ, совершенно бездорожнымъ и почти непроходимымъ мѣстамъ, причемъ ему и женѣ, голоднымъ и холоднымъ, нерѣдко приходилось брести пѣшкомъ до полного истощенія, до потери всѣхъ силъ. Въ то же время ему приходилось терпѣть всевозможныя притѣсненія, издѣвательства, побои и истязанія со стороны начальника отряда,— жестокаго, часто совсѣмъ безчеловѣчнаго, несправедливаго и своекорыстнаго Пашкова, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ постоянно мучилъ протопопа, не хотѣвшаго, впрочемъ, никогда и ни въ чемъ уступить своему мучителю, но всегда рѣзко и неукоснительно обличавшаго его за его неправды и жестокость. Не разъ Аввакуму прямо въ глаза смотрѣла сама смерть, но онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и выносливостію все переносилъ, и остался не только живъ, но и здоровъ.

Самъ Аввакумъ описываетъ свои сибирскіе подвиги и

злостраданія въ живыхъ, яркихъ картинахъ, и эти его описанія и сейчасъ читаются съ захватывающимъ интересомъ. „Егда пріѣхали на Шаманьской порогъ, рассказываетъ на-примѣръ Аввакумъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы,—одна лѣтъ въ 60-ть, а другая и больши: плывутъ пострищисъ въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ неподобаетъ такихъ замужъ давать! И чѣмъ бы ему послушавъ меня, и вдовъ отпустить: а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ, „Долгомъ, порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: для-де тебя дощеникъ худо идетъ! еретикъ-де ты! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи! О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зми великія, въ нихъ же витаютъ гуси и птицы,—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіе,—многое множество,—птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе,—воочію нашаю; а взять нельзя! На тѣ горы выбивать меня Пашковъ сталъ, со звѣрми, и со зміями и со птицами витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Сице начало: человекъ! убойся Бога, сидящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человекъки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь,—и прочая тамъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человекъкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ; и они, бѣдные, и ѣдятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагою стоитъ и дрожить. Началъ мнѣ говорить: попъ ли, или распопъ? И азъ отвѣщаль: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и дарилъ меня по щекѣ, таже по другой, и паки въ голову, и сбиль меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболочши, по той же спинѣ (далъ) семдесятъ два удара кнутомъ. А я

говорю: Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да тоже безпрестанно говорю. Такъ горько ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить—того! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь-ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть (поперечная скрѣпа барокъ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ всю ночь, подъ капелю лежалъ“. И далѣе Аввакумъ рассказываетъ: „привезли въ Брацкой острогъ, и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры жить, да Богъ грѣлъ и безъ платья! Что собачка въ соломкѣ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было: я ихъ скуфьей билъ,—и батожка не дадутъ дурачки! Все на брюхѣ лежалъ: спина гнила. Блохъ да вшей было много“. Или, напримѣръ, Аввакумъ рассказываетъ: „доѣхали до Иргеня озера: волокъ тутъ,—стали зимою волочитца. Моихъ работниковъ отнялъ (Пашковъ); а инымъ у меня нанятца не велить. А дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому: одинъ бѣдной горемыка—протопопъ. Нарту сдѣлалъ и зиму всю волочилъ за волокъ. Весною на плотяхъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ. Четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской. Стало нечего ѣсть: люди начали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, квуты острые, пытки жестокіе,—огонь да встряска,—люди голодные лишю стануть мучить—ано и умереть! Охъ времени тому!.. По степямъ скитающеса и по полямъ, траву и кореніе копали,—а мы съ ними же; а зимою сосну; а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей,—и что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ. А иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ, и что получить,—всякую скверну... Охъ времени тому! И у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ. А съ прочими, скитающеса по горамъ и по остроуму каменію, наги и босы, травою и кореніемъ перебивающеса, кое какъ мучилися. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльимъ

и мертвечьимъ звѣринымъ и птичьимъ мясомъ. Увы грѣшной душѣ! Кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубилъ житейскими сладостями (?)“... „Съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратилися къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робяты и подъ рухлишко далъ двѣ клячки: а самъ и протопица брели пѣши, убивающесе о ледь. Страна варварская; иноземцы немирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадыми итти не поспѣемъ голодные и томные люди. Протопица бѣдная бредеть—бредеть, да и повалится—скольско гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилася, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: матушка—государыня прости! А протопица кричить: что ты, батька, меня задавилъ! Я пришолъ,—на меня, бѣдная, пѣняеть, говоря: долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!—Она же, вздохня, отвѣщала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ“¹⁾.

При такихъ исключительныхъ и, повидимому, самыхъ невозможныхъ условіяхъ своей сибирской жизни, Аввакумъ однако, гдѣ бы онъ ни былъ, въ какомъ бы положеніи не находился, всегда и всюду оставался вѣренъ себѣ,—строго соблюдалъ разъ имъ усвоенныя правила благочестія, и всячески старался ежедневно выполнять ихъ. Онъ рассказываетъ: „идучи, или нарту волоку, или рыбу промысляю, или въ лѣсѣ дрова сѣку, или ино что творю: а самъ и правило въ тѣ поры говорю, и вечерню, и заутреню, или часы, — что прилучится. А буде въ людяхъ бываетъ неизворотно, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи,—правила моего не любятъ, а, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей подъ гору, или въ лѣсѣ, коротенько сдѣлаю,—побьюся головой о землю, а иное и заплачется,—да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди: и я на сошкѣ складенки поставя, правилца поговорю,—иные со мной молятся, а иные кашку варятъ. А въ саняхъ ѣдучи,—въ воскресные дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а въ рядовые дни въ саняхъ ѣдучи пою; а бывало и въ воскресные дни ѣдучи

1) Матер. V, стр. 27—29, 31, 34—35, 40—41.

пою. Егда гораздо неизвортно, и я хотя и немношко, а таки поворчу“ ¹⁾). Въ тоже самое время Аввакумъ всегда и всѣмъ неустанно проповѣдывалъ о гибели православія на Руси вслѣдствіи церковной реформы Никона, о необходимости всѣмъ истинно-вѣрующимъ стать за родную святую старину, ни подѣ какимъ видомъ не принимать никоніанскихъ новшествъ, а во всемъ твердо и неуклонно держаться стараго благочестія, если потребуется, то и пострадать за него, такъ какъ только оно одно можетъ вести человѣка ко спасенію, тогда какъ новое—никоніанское ведетъ къ неминуемой вѣчной гибели. Эта проповѣдь святаго страдальца и мученика за правую вѣру и истинное благочестіе, вездѣ имѣла успѣхъ, вездѣ Аввакумъ находилъ себѣ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей, которые всюду разносили молву о великомъ страдальцѣ и крѣпкомъ поборникѣ истиннаго благочестія. Такъ было даже съ семьей его мучителя Пашкова. Если самъ Пашковъ не терпѣлъ Аввакума, всячески гналъ и преслѣдовалъ его, за то жена Пашкова, его взрослый сынъ и жена послѣдняго были всецѣло на сторонѣ Аввакума, считали его за человѣка святой жизни, за невиннаго страдальца, за угодника предъ Богомъ и, въ трудныхъ обстоятельствахъ, прибѣгали къ его молитвенной и чудодѣйственной помощи, и старались, тайно отъ самого Пашкова, матеріально помогать ему и его семьѣ, особенно въ голодное время. По сознанію самаго Аввакума, эта ихъ помощь для него и его семьи имѣла очень большое значеніе.

Когда чрезъ одинадцать лѣтъ ссылки, Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, то онъ явился сюда уже окруженный ореоломъ страдальца и мученика, съ прочно установившейся репутацией мощнаго, непоколебимаго борца за поруганную и извращенную Никономъ правую вѣру, за старое истинное русское благочестіе. Стефана Вонифатьевича давно не было въ живыхъ, Нероновъ, теперь старецъ Григорій, ранѣе признанный глава всѣхъ недовольныхъ реформой Никона, примирился съ церковію и даже его борьба лично съ Никономъ потеряла всякое значеніе, такъ какъ Никонъ оставилъ патріаршую кафедру и болѣе не имѣлъ отношенія къ церковному управленію. Значить, у противниковъ церковной ре-

¹⁾ Мат. V, стр. 62.

формы Никона тогда не было главы и всѣми признаннаго общаго руководителя, а слѣдовательно въ ихъ дѣйствіяхъ не могло быть строгаго единства, опредѣленнаго плана, а вмѣстѣ и той энергіи, какую развиваетъ масса, когда ея управляетъ опредѣленное, авторитетное въ ея глазахъ лицо, руководящее всѣми ея дѣйствіями, и направляющее ихъ къ одной опредѣленной цѣли. Въ лицѣ прибывшаго въ Москву Аввакума, противники церковной реформы Никона, получили теперь новаго главу и руководителя, который своею десятилѣтнею ссылкой въ Сибирь, всею тамошнею жизнію и дѣятельностію блестяще доказалъ свою безусловную, непоколебимую преданность родной святой старинѣ, всегдашнюю стойкость въ разѣ усвоенныхъ воззрѣніяхъ, свою рѣдкую, прямо исключительную способность постоять за нихъ при всякихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, и свою рѣшительную неспособность идти съ противниками на какіе бы то ни было компромиссы. Ставъ во главѣ противниковъ церковной реформы Никона, Аввакумъ повелъ борьбу смѣло, энергично и рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и малѣйшихъ уступокъ, и собственно имъ—Аввакумомъ и созданъ церковный расколъ. Въ чемъ же заключалась сила этого человѣка, которая дала ему возможность бодро и стойко перенести столько страданій и всевозможныхъ лишеній, а потомъ закончить свою долгую страдальческую жизнь мужественною смертію на кострѣ?

Говоря о Нероновѣ, мы замѣтили, что всѣ вообще члены кружка ревнителей благочестія, ставшіе противниками церковной реформы Никона, отличаются, между прочимъ, одною очень характерною чертою: они обладали, по ихъ искреннему, глубокому убѣжденію, разнообразными сверхъестественными силами и дарами, почему—чудо, разныя небесныя знаменія и видѣнія, были въ ихъ жизни очень нерѣдки. И это понятно. Воспитанные на житіяхъ святыхъ, на постоянномъ чтеніи рассказовъ разныхъ сборниковъ о чудесномъ, сверхъестественномъ, о всевозможныхъ знаменіяхъ и видѣніяхъ свыше, они, уже по одному этому, получали постоянную прочную настроенность весь міръ съ его явленіями представлять въ особомъ свѣтѣ, разсматривать въ немъ все подъ особымъ угломъ зрѣнія, и въ самыхъ, повидимому обычныхъ явленіяхъ, видѣтъ то, что для другихъ совсѣмъ

было невидно, что отъ другихъ было сокрыто, а имъ, глубже и духовнѣе проникавшимъ въ явленія, было открыто и очевидно. У такихъ людей естественно и почти необходимо создавалась чуткая готовность всюду—и видѣть и воспринимать все чудесное, сверхъестественное, или, что тоже: во всемъ видѣть чудо, знаменіе, указаніе свыше. Къ этому присоединялись особыя, исключительныя обстоятельства ихъ жизни, особенно послѣ того, какъ они рѣшились отважно бороться съ всемогущимъ и очень суровымъ Никономъ: они находились въ постоянномъ крайне возбужденномъ нервномъ состояніи, ихъ всегдашніе помыслы, думы, вся ихъ духовно-нравственная жизнь, доведенная до высшаго напряженія, сосредоточены были на одной неотступной идеѣ: всячески и всѣми средствами, не щадя живота своего, жертвуя собою и всѣмъ своимъ личнымъ, бороться за настоящее, истинное благочестіе, за правую вѣру, разрушаемая реформами Никона. Они терпѣли всякія гоненія, униженія, лишенія, истязанія, ссылки и заточенія за свои излюбленныя убѣжденія: они постоянно прибѣгали къ усиленному посту, молитвѣ, продолжительнымъ бдѣніямъ, что бы сильнѣе укрѣпить себя на подвигъ, измощить свое тѣло и, вмѣстѣ, закалить свой духъ для рѣшительной борьбы. Понятно, что на такой почвѣ легко было появиться у нихъ тѣмъ чудесамъ, знаменіямъ и видѣніямъ, о которыхъ они такъ часто и охотно рассказываютъ. Да чудо, знаменія, видѣнія были для нихъ и рѣшительно необходимы, при выполненіи поставленной ими себѣ задачи, безъ нихъ они совсѣмъ не могли обойтись, безъ нихъ они никакъ бы не могли вести той энергичной, непрерывной, упорной борьбы, какую они вели съ реформою Никона. Мѣрки, критерія,—что право и что неправо,—они не могли находить въ изученіи, въ научномъ строго обоснованномъ знаніи, такъ какъ они не были люди науки, а только простые самоучки—начетчики, у которыхъ научное, критически провѣренное знаніе замѣнялось вѣковой традиціей, полнымъ довѣріемъ къ вычитанному изъ имѣвшихся у нихъ извѣстнаго только рода книгъ, крѣпкою вѣрою въ святую родную старину, которая оправдала себя исторически, а потому не нуждается ни въ какой другой провѣркѣ, а тѣмъ болѣе въ передѣлкахъ и исправленіяхъ. Но когда эта увѣренность въ святость и непогрѣшимость родной старины.

подъ вліяніемъ реформы Никона, въ умахъ очень многихъ была поколеблена, тогда, при не имѣніи другихъ средствъ порѣшить вопросъ: кто же въ самомъ дѣлѣ правъ—Никонъ или своя родная старина? Имъ естественно оставалось прибѣгнуть къ единственно понятному имъ, и въ ихъ глазахъ самому вѣрному и самому убѣдительному и для всѣхъ другихъ, средству: къ откровенію свыше, знаменію, чуду. И вотъ необходимо у нихъ являются рассказы о бывшихъ въ ихъ средѣ чудесахъ, знаменіяхъ и видѣніяхъ, какъ болѣе вѣрныхъ и надежныхъ показателей божественной истины, чѣмъ сомнительная, школьная, человѣческая мудрость ихъ противниковъ, такъ какъ чудеса, знаменія и видѣнія Господь посылаетъ только тѣмъ, кто истинно и право во всемъ вѣруетъ, кто добродѣтельно и свято проводитъ свою жизнь, а не тѣмъ, кто кичится своимъ школьнымъ знаніемъ и своею человѣческою и потому заблуждающею наукою. Именно чудеса и знаменія, а не какіе нибудь человѣческія домыслы и мудрованія давали имъ непоколебимую увѣренность, что истина на ихъ сторонѣ, что они ратуютъ и страдаютъ за правое святое и великое дѣло, что они идутъ настоящимъ вѣрнымъ путемъ, который, если здѣсь и ведетъ къ страданію и мученичеству, за то тамъ—къ безконечной славѣ и блаженству. Въ силу этого они шли на борьбу, на лишенія, страданія и самую смерть смѣло, рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, съ полною глубокою увѣренностію, что на великое святое дѣло борьбы съ реформою Никона они призваны самимъ Господомъ, что самъ Господь подкрѣпляетъ и всегда подкрѣпитъ ихъ въ неравной и тяжелой борьбѣ, и если не здѣсь, то тамъ вознаградитъ ихъ за всѣ ихъ земныя страданія и лишенія. Если на нихъ въ немногія, особенно тяжелыя минуты, и нападали иногда какія либо сомнѣнія и колебанія, то знаменія и видѣнія, ниспосылаемыя свыше, снова подкрѣпляли и вразумляли ихъ, и они съ новою энергіею и силою продолжали борьбу. Борьба съ такими необычными лицами, обычными мѣрами правительственной власти: ссылками, заточеніями, разными лишеніями, истязаніями и казнями, естественно совѣмъ не достигала цѣли, а только дѣлала ихъ сопротивленіе еще упорнѣе и настойчивѣе, самихъ ихъ еще болѣе сильными и вліятельными въ глазахъ

ихъ учениковъ и послѣдователей, которые видѣли въ нихъ святыхъ страдальцевъ и мучениковъ.

Особенно обычны, и даже заурядны чудеса, знаменія, видѣнія и другія сверхъестественныя явленія, были въ жизни протопопа Аввакума, которому, въ этомъ отношеніи, среди другихъ борцовъ съ реформою Никона, неоспоримо принадлежить первое мѣсто.

Такого великаго чудотворца и угодника Божія, какимъ былъ протопопъ Аввакумъ, если судить объ этомъ по его собственнымъ рассказамъ и увѣреніямъ, еще никогда не бывало, да, конечно, никогда и не будетъ на святой Руси. Самъ протопопъ искренно и глубоко былъ убѣжденъ въ своей несомнѣнной святости и угодности предъ Богомъ, что онъ призванъ самимъ Господомъ съ тѣмъ, чтобы своимъ ученіемъ, своими чудесами, посылаемыми ему свыше знаменіями и видѣніями, твердо и неустанно отстаивать ту божественную правду, то истинное благочестіе, которыя были нарушены на Руси реформою Никона. Въ сознаніи своей несомнѣнной великой угодности предъ Богомъ, протопопъ самъ, очень рѣшительно и опредѣленно, заранѣе намѣчаетъ, къ лику какихъ именно святыхъ долженъ причислить его Господь, если онъ—Аввакумъ умретъ такою или иною смертію. „Аще меня задушатъ, обращается Аввакумъ съ прошеніемъ къ Господу, причти мя съ митрополитомъ Филиппомъ московскимъ; аще ли зарѣжутъ, и Ты, Господи, причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще ли посадятъ въ воду, и Ты, Владыко, яко и Стефана пермскаго, паки свободиши мя“¹⁾. Протопопъ Аввакумъ даже прекрасно зналъ, что тамъ—въ царствіи небесномъ, ему уже давно приготовлена Господомъ одна изъ лучшихъ палатъ, которая постоянно ждетъ его. Искѣленная имъ одна бѣсноватая, рассказываетъ самъ Аввакумъ,—въ назиданіе и поученіе своимъ послѣдователямъ,—повѣдала ему, что будто бы два ангела, когда бѣсноватая безъ памяти лежала на лавкѣ, взяли ее „и повели зѣло тѣснымъ путемъ. На лѣвой сторонѣ слышала плачь съ рыданіемъ и гласы умильны. Таже привели меня въ свѣтлое мѣсто; жилища и палаты стоятъ, и едина палата всѣхъ больши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели де меня въ нея, а въ

1) Мат. V, стр. 151.

ней де стоять столы, а на нихъ послано бѣло. И блюда съ брашными стоять; поконецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы птичьи и умильны зѣло,—не могу нынѣ про нихъ сказать. Потомъ де меня вывели изъ нея. Идучи, спрашиваютъ: знаешь-ли, чья палата сія? А я де отвѣщала: не знаю; пустите меня въ нея. И они мнѣ отвѣщали сопротивъ: отца твоего Аввакума палата сія. Слушай ево,—такъ де и ты будешь съ нимъ. Крестися, слагая персты такъ, и кланяйся Богу, какъ онъ тебѣ наказываетъ. А не станешь слушать, такъ будешь въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ слышала плаканіе то. Скажи же отцу твоему. Мы не бѣси, мы ангели; смотри у насъ папарты. И я-де, батюшко, смотрѣла: бѣло у ушей тѣхъ ихъ“¹⁾. При такой рѣдкой убѣжденности и увѣренности, протопопъ Аввакумъ, конечно, совсѣмъ не боялся никакой казни, никакой смерти, такъ какъ она прямо и несомнѣнно вела его въ ту большую палату, „которая паче всѣхъ сіяетъ красно“. „На что лучше сего?—говоритъ онъ,—съ мученики въ чинѣ, со апостола въ полкъ, со святители въ ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу, святѣи Троицы престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всѣми безплотными, съ предивными роды вчиненъ! А во огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть,—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступить!“²⁾. Дѣйствительно, прямой и самый простой практическій расчетъ побуждалъ Аввакума не бояться казни, а смѣло и безбоязненно идти на костеръ,—этимъ минутнымъ страданіемъ онъ, при его представленіи о безусловной, высокой цѣнности своего подвига, не терялъ ничего, а выигрывалъ все.

Насколько былъ святъ Аввакумъ и насколько, еще при жизни, онъ былъ уже великимъ угодникомъ Божиимъ, это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ знаменій, чудесъ и откровеній, какія въ своей жизни получалъ и совершалъ Аввакумъ. Въ самомъ дѣлѣ: какихъ только чудесъ не творилъ Аввакумъ, какихъ только знаменій и очевидныхъ показателей великой его святости не удостоивался онъ получить отъ Господа Бога. Сотворить во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ чудо, лишь бы только подъ ру-

1) Ibid. стр. 105.

2) Ibid. стр. 207.

ками были: епитрахиль, масло, вода, кадило и старопечатный требникъ, для Аввакума буквально ничего не стоило. Онъ своею молитвою, святою водою, освященнымъ масломъ и кажденіемъ исцѣляетъ всевозможныхъ больныхъ, но особенно легко и часто изгоняетъ бѣсовъ, и самъ всегда успѣшно справляется съ ними, когда они отваживаются нападать и на него самого, въ рѣдкія впрочемъ въ его жизни минуты малодушія, или какого нибудь неожиданнаго преткновенія ¹⁾.

1) Вотъ, напиримѣръ, какой случай невольнаго преткновенія былъ съ Аввакумомъ, о которомъ, онъ рассказываетъ въ своемъ посланіи къ пѣкней Маремьянѣ Теодоровѣ. „Грѣшному мнѣ человекъ добрый изъ церкви принесъ просфору, и со крестомъ Христовымъ, а поп-отъ, является, по старому поетъ: до тово пѣль по новому; я чаель покался и престалъ: *оно внутрь ево поганъ. Я взялъ просфору, поцѣловалъ, положилъ въ уголку, покадилъ, хотѣлъ по причастиі употребить. Въ ноци той, егда умолкоша уста мои отъ молитвы, прискочиша бѣси ко мнѣ лежащу, и единъ завернулъ мнѣ голову, рекъ мнѣ: съѣмъ-ко ты сюда! Только и дыханія стало. Едва-едва умомъ моимъ молитву Іесусову сотворилъ: и отскоцилъ бѣсъ отъ меня. Азъ же охаю и стону; кости разломалъ, встать не могу. И кое какъ всталъ: молитву довольно, опять возвалился и мало замгнулъ. Вижу у церкви нѣкій образъ и крестъ Христовъ: на немъ расіяты иолатынѣ, неподобно, и латынники молятся тутъ, приклякиваютъ попольски. И мнѣ нѣкто велѣлъ той крестъ поцѣловать. Егда азъ поцѣловалъ: пакъ напалоша на мя бѣси и затрудиша мя зѣло, и покинуша. Азъ же безъ сна ночь ту проводихъ, плачучи. Уразумѣхъ, яко просвиры ради стражу, выложилъ ея за окошко. Не знаю, что надъ нею дѣлать: крестъ на ней! И лежала день. Въ другую ночь не смѣю спать, лежа молитвы говорю, прискочиша множество бѣсовъ, и единъ съѣлъ съ домрою въ углу, на мѣстѣ, гдѣ до тово просвира лежала, и прочіи начаша играти въ домры и въ гутки. А я слушаю у нихъ. Зѣло мнѣ грусно, да уже не замали меня и печезли. Азъ же возстонавъ, плакався предъ Владыкою, обѣщался сожечь просвиру. И бысть той часъ здравъ, и кости престали болѣть, и воочію моею яко *искры огненны отъ Святаго Духа являхуся*. И въ день жегъ просвиру, и пепель за окошко кинулъ, рекше: *вотъ, бѣсъ, жертва твои! мнѣ ненадобѣ!* И въ другую ночь, лежа, по четкамъ молитвую. Вошелъ бѣсъ въ келію мою и ходилъ около меня,— ничево мнѣ не сдѣлалъ, лишь изъ рукъ четки вышибъ. И я, поднявъ, опять сталъ молитвы говорить. И пакъ въ день съ печалію стихъ лежа пою: *молитву пролію ко Господу и печаль мою предъ нимъ возвыщу, услышиши, Господи!* И бѣсъ вскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ же вадрогнулъ и ужася отъ него. И пакъ въ иную ночь, не вѣмъ какъ, внѣ ума, о просвириѣ опечалился и уснуть: и бѣсъ зѣло мя затрудилъ. Съ доски сваялся на полъ, предъ образомъ, немощенъ плачучи Никона проклялъ и ересь ево. И пакъ въ той часъ здравъ бысть. Видишь-ли, Маремьяна*

И не только людей, но и больныхъ куръ исцѣляетъ протопопъ, за что одна черная курочка и несетъ ему потомъ каждый день по два яичка. Какъ великій угодникъ Божій, онъ, еще находясь на землѣ, однако уже являлся многимъ въ сонномъ видѣніи и спасалъ ихъ отъ бѣды. Такъ онъ явился во снѣ заблудившемуся сыну Пашкова, благословилъ его и указалъ ему дорогу, благодаря чему тотъ спасся отъ неминуемой смерти. Когда онъ находился въ боровскомъ Пафнутевѣ монастырѣ и тамошній келарь Никодимъ его обидѣлъ, то Господь Богъ поразилъ обидчика тяжкою болѣзнію, но ему въ видѣніи предсталъ Аввакумъ „въ ризахъ свѣтло блестящихъ и зѣло красныхъ“ и исцѣлилъ его отъ болѣзни, послѣ чего келарь повѣдалъ объ этомъ Аввакуму, который потребовалъ отъ него, что бы онъ, „хотя бы и въ тайнѣ, старое благочестіе держалъ“. — Одинъ бѣсноватый, исцѣленіемъ котораго ранѣ занимался Аввакумъ, разъ явился къ нему и повѣдалъ: „спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ,—помиловалъ меня. Бѣжалъ де я по пустынѣ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ крестомъ: бѣси де и бѣжали отъ меня“. Приводя этотъ рассказъ о себѣ, Аввакумъ скромно замѣчаетъ: „азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величїи Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь,—его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. Простите меня, старецъ, съ рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы меня понудисте сіе говорить“. И по поводу вышеприведеннаго разказа объ исцѣленіи пафнутевскаго келаря Аввакумъ расчитанно—наивно замѣчаетъ: „добрыхъ дѣлъ (у меня) нѣтъ: а прославилъ Богъ. То вѣдаетъ онъ—воля Его“ ¹⁾.

Насколько необыкновеннымъ человѣкомъ былъ Аввакумъ, это видно, между прочимъ, и изъ того, что онъ былъ самвидцемъ и разныхъ спиритическихъ явленій, когда, какъ извѣстно, неодушевленные предметы самопроизвольно двигаются, перемѣняютъ мѣсто, летаютъ по воздуху, какъ это

заключаетъ Аввакумъ свой назидательный рассказъ, кабы съѣлъ протопопъ, такъ бы что Исаїя Печерскаго затомилъ. Такова-то ихъ жертва хороша! И отъ малой святынн бѣда: а отъ большїе-то и давно печево спрашивать“. (Мат. V, стр. 197—199).

1) Матер V, стр. 50, 73, 74.

бываетъ теперь, на современныхъ намъ спиритическихъ сеансахъ. Аввакумъ рассказываетъ, что еще въ Лопатицахъ, когда онъ только что „къ подвигу касатися сталъ“, и уже „бѣсъ меня пуживалъ“. Однажды у него серьезно захворала жена и къ нему прѣхалъ сосѣдній священникъ, чтобы ее исповѣдывать. Дѣло было ночью и Аввакумъ пошелъ въ церковь за требникомъ. „Егда на паперть пришелъ, рассказываетъ онъ, столикъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ. бѣсовскимъ дѣйствиємъ скачетъ столикъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ рукою столикъ, и, пришедъ, поставилъ его, и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ во гробѣ стоялъ, и бѣсовскимъ дѣйствиємъ верхняя раскрылася доска, и саванъ шевелитца сталъ, устрашая меня. Азъ же Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все. Егда же въ олтарь вошелъ—ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня. Азъ же, помолясь и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ, и пощупалъ приступая, а онѣ по старому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ“! Про другой случай, котораго онъ былъ тоже очевидцемъ, Аввакумъ рассказывалъ въ челобитной государю, поданной имъ по возвращеніи изъ Дауръ: „нынѣ лѣтомъ, въ Преображеневъ день, чудо преславно и ужасу достойно въ Тоболскѣ показалъ Богъ: въ соборной большой церкви служилъ литургію ключарь церкви Иванъ Михайловъ сынъ съ протодьякономъ Меодіемъ, и когда возгласиша: двери двери премудростію вонмемъ, тогда у священника со главы взяся воздухъ и повергло на землю; и егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ надъ агньцемъ на всѣ четыре поставленія поступала, и до возглашенія побѣдныя иѣсни; и егда приспѣ время протодьякону къ дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у нихъ въ церкви, поясняетъ Аввакумъ, по новымъ служебникамъ по приказу архіепископскому“¹⁾.

1) Ibid. стр. 108—111, 110—121. Къ сожалѣнію прот. Аввакумъ не объясняетъ: какимъ образомъ бѣсы мѣстомъ для своего „игранія“ могли

Вполнѣ естественно было, что Господь имѣлъ особое пощеніе о своемъ великомъ угодникѣ, котораго Онъ такъ необычно прославлялъ еще во время его земной жизни. Находясь въ тюрьмѣ Андроньева монастыря Аввакумъ три дня не ѣлъ и умиралъ отъ голода. И вотъ, послѣ трехъ сутокъ, когда голодъ особенно мучилъ его, „ста предъ мною, рассказываетъ протопопъ, невѣмъ—человѣкъ, невѣмъ—ангелъ, и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо, съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штець далъ похлѣбать—зело прикусны,—хороши! и рекъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣплѣнію! И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало! Дивно, только человекъ; а что же ангелъ, ино нечему дивитца! вездѣ ему не затворено“. Или, напримѣръ, въ Даурахъ былъ съ нимъ такой случай: бредъ протопопъ по замерзшему озеру и стала его мучить нестерпимая жажда, а воды взять негдѣ,—до селенія и береговъ далеко. И вотъ, повѣствуетъ протопопъ, „бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источникъ израилю, въ пустынѣ жаждущему воду, тогда и днесъ Ты напои меня ими же вѣси судьбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступилася сюду и сюду, и паки снидеся мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строеніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу, и со слезами присталъ къ пролубкѣ и напился воды досыта“. ¹⁾,

Господь, по молитвѣ своего угодника, посрамлялъ враговъ и гонителей Аввакума. Пашковъ, завидуя удачѣ протопопа въ рыбной ловлѣ насмѣхъ отвелъ ему мѣсто для лова на броду, „гдѣ коровы и козы бродятъ, гдѣ человекъ, повѣствуетъ Авва-

избрать церковь и въ ней даже алтарь—это святая святыхъ? Если въ Тобольскѣ бѣсовская игра произошла въ церкви, гдѣ тогда уже служили по новому, и въ нея, значить, по представленію Аввакума, бѣсамъ былъ открытъ всегда свободный входъ; то вѣдь въ Лопатицахъ бѣсы забрались въ алтарь и играли тамъ въ собственной церкви Аввакума, въ которой постоянно, и по старому, служилъ онъ самъ? Очевидно, увлекшійся интересными разсказами протопопъ, не сообразилъ какъ слѣдуетъ всѣхъ обстоятельствъ своего разсказа.

1) Ibid. стр. 20, 109—110.

кумъ, воды по ладышку,—какая рыба! и лягушекъ нѣтъ!“ Но твердо уповая на чудодѣйственную помощь свыше, протопопъ рѣшилъ посрамить Пашкова. Онъ обратился съ горячею молитвою къ Богу: Владыко человекѣлюбче, молился разобиженный протопопъ, не вода даетъ рыбу. Ты вся промысломъ своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ?“ И Господь по молитвѣ Аввакума, дѣйствительно посрамилъ „дурака тово“ т. е. Пашкова: „полны сѣти, торжествующе заявляетъ протопопъ, напехалъ Богъ рыбы“, только нечестивый Пашковъ, въ возмездіе за это чудо, изорвалъ всѣ рыболовныя сѣти Аввакума ¹⁾.

Даже необычныя явленія внѣшней природы, какъ напримѣръ солнечное затмѣніе, находились, оказывается, въ прямой связи съ личною судьбою Аввакума. Разказавъ объ одномъ солнечномъ затмѣніи, „когда Никонъ отступникъ вѣру казнилъ и законы церковныя“, Аввакумъ заявляетъ, что лѣтъ черезъ четырнадцать „въ другой разъ затмѣніе солнцу было въ Петровъ постъ, въ пятокъ, въ часъ шестый тьма бысть: солнце померче, луна подтекала отъ запада же, гнѣвъ Божій являя. И протопопъ Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти, и на Угрѣшѣ въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣеть, что дѣлается въ земли нашей за нестроеніе церковное“. ²⁾.

Какъ и между самыми святыми необычно святы и велики были протопопъ Аввакумъ, это съ особенною ясностію видно изъ его разказа о слѣдующемъ бывшемъ ему видѣніи: протопопъ, постясь, ничего не ѣлъ въ теченіи четырехъ дней и сильно ослабѣлъ. Однако онъ пропостился еще нѣсколько дней, и, въ этомъ состояніи, сподобился такого видѣнія: „Божіимъ благоволеніемъ въ нощи вторыя недѣли, противъ пятка, распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики; а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ

¹⁾ А. К. Бороздина. Протопопъ Аввакумъ, прил., стр. 114 Изд. 1900 г.

²⁾ Матер. V, стр. 4—5.

въ меня небо, землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебирающую въ то время“. И затѣмъ, обращаясь къ царю, въ посланіи къ которому изъ Пустозерска онъ рассказываетъ про это видѣніе, говоритъ: „ты владѣши, на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное седѣніе небо и землю... Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь.— Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ“. 1).

Аввакумъ не только себя и свои подвиги ставилъ очень высоко, но и свои писанія къ разнымъ лицамъ приравнивалъ, видимо, къ посланіямъ ап. Павла, которому онъ старается подражать. Его посланіе къ нѣкому брату начинается такъ: „Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ, волею Божіею, и узникъ о Господѣ, старой грѣшникъ, протопопъ Аввакумъ Петровъ, брату имереку, еже о Христвъ съ братією, радоватися вамъ, другомъ моимъ, и здравствовать о Спасѣ. Бозѣ и Господѣ нашемъ Ісусъ Христвъ. Молю вы, чада церковная, и колѣнамя вашимъ касаюся“. Въ посланіи ко всѣмъ своимъ ученикамъ пишетъ: „молю убо вы азъ, юзникъ о Христвъ Ісусъ, не мудрствовате паче, еже подобаетъ мудрствовати“. Въ „книгѣ всѣмъ горемыкамъ миленькимъ“ онъ пишетъ такъ: „Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ, волею Божіею земляной юзникъ, протопопъ Аввакумъ, чадомъ святыя соборныя и апостольскія церкви: Акинфею съ сестрою Маврою, Родіону, Андрею“. Свои очень невысокаго достоинства разсужденія Аввакумъ закрѣпляетъ иногда такимъ очень смѣлымъ завершеніемъ: „не я, но тако глаголетъ Духъ Святыи“, разумѣется устами протопопа. Въ одномъ мѣствѣ онъ скромно про себя замѣчаетъ: „отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ“. 2)

Не только самъ протопопъ Аввакумъ но и его друзья—единомышленники, по его увѣреніямъ, имѣли въ глазахъ Господа, хотя бы и не большое, но все-таки несомнѣнное преимущество предъ древними знаменитыми святыми. „Егда Лазарю языкъ вырѣзали, повѣствуетъ Аввакумъ, явился ему пророкъ Божій Ілія и повелѣ ему о истинѣ свидѣтельствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изъ рта, и

1) Ibid. стр. 151—152.

2) Ibid. стр. 231, т. VIII, стр. 75, 84, 109.

начать глаголати ясно и чисто“. Вырѣзали языкъ и у старца Епифанія, но онъ обратился съ молитвою къ Богородицѣ, чтобы она возвратила ему даръ слова: „та отверзла его уста и языкъ даде, и учаль говорить ясно“. По этому псевду Аввакумъ замѣчаетъ: „не вѣмъ, что рещи, но токмо: Господи, помилуй! И Дамаскину Іоанну *по трехъ днехъ* рука приросла, а новымъ симъ исповѣдникамъ Христовымъ Лазарю *въ той же день* языкъ Богъ дароваль, а старцу (Епифанію) *во второй день*“... ¹⁾

Аввакумъ любилъ допускать нѣкоторую фамильярность въ обращеніи съ лицами стоявшими неизмѣримо выше его, какковы, напримѣръ, были царь и царица. Такъ царя, какъ бы самаго обычнаго близкаго своего знакомаго онъ, въ своихъ писаніяхъ, нерѣдко величаетъ попросту: „Михайловичъ“, „свѣтикъ“, „миленькій“, царицу—„миленькая“, обоихъ: „Алексѣюшко съ Марьюшкою“. Эту фамильярность въ обращеніи Аввакумъ переноситъ иногда и на самихъ небожителей.

Когда Аввакума, по приказанію Пашкова, сильно били кнутомъ, онъ въ это время говорилъ: „Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ“, и не чувствовалъ особенныхъ страданій. Но совѣмъ иначе чувствовалъ себя послѣ жестокой экзекуціи. „Какъ били, рассказываетъ онъ, такъ не болно было съ молитвою тою; а лежа на умъ взбрело: за что ты, Сыне Божій, попустилъ меня ему таково болно убить тому? Я вѣдь за вдовы твоя сталъ! *Кто дастъ судію между мною и Тобою?* Когда вороваль, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ“!.. Но въ другомъ случаѣ Аввакумъ уже замѣчаетъ: „не пеняю уже на Бога вдругорядь!“ На рѣкѣ Хилкѣ, рассказываетъ Аввакумъ, „барку отъ берега оторвало водою,—людскіе стоятъ, а мою ухватило да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ; а я на ней ползаю, а самъ кричу: Владычице, помози! Упованіе, не утопи! иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ. Несло съ версту и больши; да люди переняли. Все размыло до крохи! Да что веть дѣлать, коли Христось и Пречистая Богородица изволили такъ? Я вышелъ изъ воды смѣюсь; а

¹⁾ Т. V, стр. 115—117.

люде те охаютъ, платѣе мое по кустамъ развѣшивая... Пашковъ меня же хочетъ опять бить: ты-де надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ! А я наки свѣту—Богородицѣ докучать: Владычице, уйми дурака тово! Такъ она надежа уняла: сталь по мнѣ тужить“¹⁾).

Однако и на такого крѣпкаго и несокрушимаго поборника за истинное благочестіе, какимъ былъ Аввакумъ, находили иногда минуты слабости, нѣкоторой неувѣренности въ правотѣ защищаемаго дѣла. Возвращаясь изъ Дауръ, рассказываетъ Аввакумъ, „въ русскіе грады приплыль и уразумѣль о церкви, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалися, сидя разсуждаю: что сотворю? Проповѣдаю-ли слово Божіе, или скрюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятьствомъ, и рече ми: что господине, опечалился еси? Азъ же ей подробну извѣстихъ: жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говоритъ-ли мнѣ или молчать?—связали вы меня! Она же мнѣ говоритъ: Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я,—ты же читалъ,—апостольскую рѣчь: *привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія, егда отрѣшишиися, тогда не ищи жены* (Кор. гл. 7, ст. 27). Азъ тя и съ дѣтми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучать, тогда насъ въ молилвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди поди въ церковь, Петровичъ,—обличай блудню еретическую!—Я су ей за то челомъ, и отряси отъ себе печальную слѣпоту, начатъ по прежнему слово Божіе проповѣдати и учити и по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоніанскую со дерзновеніемъ обличалъ“. На этотъ разъ Аввакума на подвигъ воодушевила жена, дѣлившая съ нимъ всѣ бѣды и лишенія, вполне вѣровавшая въ его великое и святое призваніе, и отличавшаяся какъ и ея мужъ, выносливостію, мужествомъ и готовностію все перенести, всѣмъ пожертвовать ради торжества истиннаго благочестія. Но въ другихъ случаяхъ дѣло не обходилось такъ просто,—по домашнему. Когда Аввакумъ, возвращаясь изъ Дауръ, прибыль въ Тобольскъ, то началъ было ходить въ

¹⁾ Ibid. стр. 29, 31, 33.

соборную церковь, гдѣ службы совершались по новоисправленному служебнику. Онъ уже сталъ было привыкать къ службамъ, какъ особое, чрезвычайное видѣніе удержало его отъ этого скользкаго пути. „А се мнѣ въ Tobольскѣ, рассказываетъ Аввакумъ объ этомъ случаѣ, въ тонцѣ снѣ страшно возвѣщено: блюдися отъ мене, да не полма растесанъ будеши! Я вскочилъ, и палъ предъ иконою во ужасѣ величѣ, а самъ говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ! Боже мой! Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины имянины, — шаловаль съ ними въ церкви при воеводахъ; да съ прѣзду смотриль у нихъ просвиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, и самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не сталъ,—что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христось—свѣтъ попужалъ, и рече ми: по толикомъ страданіи погибнуть хочешь! блюдися, да не полма разсѣку тя! Я и къ обѣдни не пошелъ. И обѣдать ко князю пришелъ, и вся подробну имъ возвѣстилъ: бояринъ миленькой, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, плакать сталъ! А мнѣ окаянному много столько Божія благодѣянія забыть“. Но самымъ критическимъ моментомъ въ жизни Аввакума, по его собственному сознанию, было его разстриженіе. Аввакумъ придавалъ очень большое значеніе тому обстоятельству, что онъ былъ ни какой-нибудь рядовой священникъ, а протопопъ; онъ очень гордился этимъ титуломъ, всегда старался прилагать его къ своему имени, жену свою величаетъ протопопицей, крѣпко держится за этотъ титулъ даже и тогда, когда, по соборному опредѣленію, его совсѣмъ лишили духовнаго сана и онъ юридически сдѣлался уже простымъ міряниномъ. Послѣ растрижения Аввакумъ совсѣмъ было впалъ въ отчаяніе, отъ котораго его спасло чрезвычайное явленіе. Въ посланіи къ царю изъ Пустозерска Аввакумъ пишетъ: „егда мнѣ темныя твоя власти волосы и бороду остригли и проклявше за твоимъ карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали,—о горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечеть!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ, что се бысть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ,—волосы и бороду остригли, и проклиали, и въ темницѣ затворили: никоніаны пуще отца своего Ни-

кона надо мною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явить ми, не туне ли мое бѣдное страданіе? И въ полунощи, всенощное чтущу ми наизусть святое евангеліе утреннее, надъ ледникомъ на соломѣ стоя, въ одной рубашкѣ, и безъ пояса, въ день Вознесенія Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангелъ мой хранитель, улыкаяся и приклоняся ко мнѣ и миль ся дѣя. Мнѣ же чтущу святое евангеліе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака Госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христось съ силами многими, и рече мнѣ: не бойся, Азь есмь съ тобою! Мнѣ къ тому прочетшу къ концу святое евангеліе и рекшу: Слава Тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часъ. И егда отъиде слава Господня, востахъ и начахъ утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченная, ея же невозможно исповѣдати нынѣ“. Въ заключеніе этого разсказа о видѣніи, Аввакумъ пишетъ государю: „за любовь тебѣ Господню, Михайловичъ, сказано сіе, понеже хошу умереть. Да и молю тя о Христѣ, не повѣдай врагомъ моимъ никоніаномъ тайны сея, да не поругаютъ Христа Ісуса, Сына Божія и Бога. Глушы вѣтъ онѣ дураки, плюютъ и на самаго Бога нечестивые глаголы. Горе имъ бѣднымъ будетъ!“¹⁾ Послѣ такого чуднаго, поразительнаго видѣнія, всѣ сомнѣнія и колебанія конечно отлетѣли отъ Авакума, онъ уже окончателно и навсегда увѣрился въ правотѣ избраннаго пути, въ своей несомнѣнной святости, и въ своемъ собственномъ представленіи, и въ мнѣніи своихъ послѣдователей, навсегда остался дѣйствительнымъ протопопомъ, а не разстригой.

Н. Кантеревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Мат. V, стр. 57, 60—61, 153—154.